

Бѣженцы - галичане.

I. Бѣженцы.

Страшна война, страшень и ся тыль.

Одно изъ его явленій, полное безконечнаго горя и безнадежной, безпросвѣтной тоски,—это бѣженцы-галичане. Непрерывной волной текли они черезъ былую границу изъ Бродъ на Радзивиловъ, изъ Австрiи въ Россiю, стекаясь ручьями изъ Самбора, Городка, Каменки, „изъ-пидъ Львiва“, „съ Карпатъ“, со всѣхъ уголковъ Галицiи. Когда ихъ спрашиваешь: „Куда идете?“—они чаще всего говорятъ: „Не знаемъ... до Россiи“, при этомъ показываютъ проходное свидѣтельство, гдѣ сказано: „Дано сіе свидѣтельство спасающемуся отъ германскаго террора для прохожденiя въ Россiю и обратно“.

Шли они вразбродъ, поодиночкѣ и цѣлыми эшелонами, этапами, выселенные цѣлыми деревнями съ пропускомъ на цѣлую партiю въ 100 и болѣе семействъ. Нѣкоторыя мѣстности выселеніе застало врасплохъ. Двѣнадцать дней село Михалевичи было подъ обстрѣломъ; одна часть оказалась на австрiйской сторонѣ, другая—на русской. Русскіе отступили и увлекли за собой свою часть; ничего и захватить не пришлось.

Обозъ тянется безъ конца, фура за фурой, запряженные парой лошадей, крытые толстымъ самодѣльнымъ холстомъ, соломой, дражкой и даже желѣзомъ. „Еще когда погода ничего, а какъ дождь, то всѣ плачемъ“, говорила одна старушка. И правда, чѣмъ, чѣмъ только ни набиты эти убогія длинныя „фиры“, какъ ихъ здѣсь называютъ; выглядятъ плотно привязанныя куры, изъ другой—теленокъ, или во всю длину повозки развалилась корова (вообще „худоба“—скотъ—страшная тягость для обоза бѣженцевъ: во-первыхъ, быстро утомляется въ ходбѣ и, во-вторыхъ, нуждается въ пастбищѣ); со всѣхъ сторонъ подвизаны ведра, кадушки, кастрюли и сплошь завалены мѣшками съ припасами, съ мелкимъ домашнимъ скарбомъ и рухлядью, спасенной отъ разгрома и пожара. „Все попалѣно, нищъ засталось“, слышишь обычное причитаніе. Даже въ самой этой погрузкѣ, какъ-то беспорядочно загромоздившей фуру, такъ что помѣститься негдѣ, чувствуется какое-то отчаяніе,

внезапно захватившая паника: кое-какъ навалена солома, лежить нѣсколько бревень, старыя колеса. Куда ихъ, зачѣмъ? Только безнадежность, хватаящаяся за соломинку, можетъ польститься на такой несчастный скарбъ. Другіе—счастливыцы: у нихъ коровы, дѣтямъ молочишко и хоть какое-нибудь пропитаніе; мѣстами гонять цѣлыя стада, благо австрійцы еще не забрали и русскіе втридешева не купили. Опытные люди, глядя на нихъ, говорятъ: „Въ Россіи скоть будетъ дешевле“. Но есть горькія сцены. Старикъ сѣдой, за спиной коробъ или мѣшокъ, въ которомъ сидитъ внучонокъ; въ фурманкѣ—старуха, „кобита“—жена сына, уведенаго австрійцами; въ обѣихъ рукахъ у старика веревки, тянетъ двухъ коровенокъ. Вдругъ сзади звонко завылъ автомобиль. Коровенки заматались, рвутъ несчастнаго старика въ разныя стороны, а мальчикъ въ ужасѣ вцѣпился худенькими ручонками за шею старику. Нельзя забыть такія картины тыла войны.

Обозъ идетъ медленно, съ постоянными задержками и остановками. Взрослые идутъ пѣшкомъ; тамъ одинъ подгоняетъ непокорнаго поросенка, тамъ другой везетъ за собой дѣтскую колясочку. Вотъ идетъ молодлица съ симпатичнымъ лицомъ австрійскаго типа. Обмѣниваемся мѣстнымъ жаргономъ: „Видкиль идете?“—„Зѣ Перемишля“.—„А куда?“—„Къ мужу, до Рѣссіи“.—„А гдѣ же въ Россіи вашъ мужъ?“—„Въ Прикаспійскомъ краѣ: онъ плінный зѣ Перемишля“.—„Писаль онъ вамъ?“—„Такъ, карту приславъ, далеко это?“—„Да, далеко“.—„Може, встрѣтимся“, весело замѣчаетъ молодлица.—„Давай Богъ, идите“.

А въ самую фурманку лучше и не заглядывать: тамъ копошится такая живность, что жутко становится. Есть повозки съ 9 малыми ребятами, трое-пятеро—заурядное явленіе. Куда они ѣдутъ, на что обречены? На вымираніе. Глядишь, пятигодовалая нянька держитъ въ рукахъ грудного „дитыну“, жпкѣ и человіку и мѣста нѣтъ, развѣ гдѣ приткнулись старые да усталые. Впрочемъ, ребятамъ что? Имъ весело, все любопытно въ суматохѣ, все интересно, и они быстро приспособились къ этой кочующей жизни. „Дэвять місяцевъ ницѣ школі; усе забулъ“, говоритъ мнѣ мальчикъ. „Отче знаешь?“ Оказывается, еще помнитъ, потому что вечеромъ читають за молитвой, а другой даже знаетъ ее по-латыни.

Молодежь постарше довольна: идетъ до Россіи „на богатскую жизнь“, какъ заявила одна дѣвица; многіе „ужи давно втікали“, теперь ихъ догоняютъ или ищутъ братья и сестры. Среди молодежи много бывшихъ плѣнныхъ: это тѣ, что приняли русское подданство въ пору нашего господства въ Галиціи и теперь вынуждены ближе познакомиться съ своимъ новымъ отечествомъ. ¹⁾

¹⁾ Изъ письма плѣннаго австрійца-русина М. М.—на. „Я хочу внести прошеніе о принятіи меня въ русское подданство, а только такимъ образомъ мевя могутъ осво-

Живонисно одѣтая въ бѣлыхъ самодѣльныхъ, съ красною обшивкою, костюмахъ, рослая, крѣпкая, загорѣлая, вся эта молодежь настроена благодушно, охотно идетъ впередъ, не задавая докучныхъ вопросовъ, не прогнали ли наши войска „германа“, что слышно съ войны, скоро ли имъ можно будетъ вернуться и проч. Еще, впрочемъ, одно могу сказать про галиційскую молодежь, какъ и вообще про всѣхъ галичанъ: сколько я ни видалъ ихъ, въ толпѣ и въ одиночку, возбужденныхъ, раздраженныхъ, обиженныхъ, въ минуты столкновения, что говорится, въ сердцахъ, я ни разу не слыхалъ среди нихъ сквернословія. Неужели это позорное русское клеймо мы внесемъ и въ Галицію? А грѣхъ этотъ уже есть. И нужно вообще сознаться: мы на многое съ завистью смотрѣли здѣсь, въ подъяремной Русси.

Но вотъ бесѣдовать съ взрослыми, это—все равно, что вскрывать неотступно большую, кровоточащую рану. Согнанные съ насиженныхъ гнѣздъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ скитающіеся безъ пріюта, люди пожилые, домовитые, съ ограниченнымъ кругозоромъ родныхъ галиційскихъ полей, они просто сбиты съ толку, потеряли голову, лишились элементарной активности. Еще тѣ, что поближе, изъ Бродъ и окрестностей, только что выселяемые, настроены протестующе. „Это не Россія, а холерія“, злобно кричитъ какой-то панъ, застрявшій въ непролазной грязи съ фурой какъ разъ на выѣздѣ у пограничнаго столба, знакомясь съ новымъ отечествомъ. Но тѣ, что подале, не то что обтерпѣлись, а какъ-то притупились въ своихъ чувствахъ; горе ушло внутрь, оставивъ одну апатію и равнодушіе ко всему. Сколько разъ я видѣлъ, какъ плакали старики, вспоминая пережитое. „Вся наша Козювка попалѣна. Четыри мѣсяца въ лісу жили, ховались. Вісемьсотъ дворовъ было въ деревни. А якъ удрали австрійцы, то и міста нашего села не було“.

Оказывается, все ея протяженіе заняли глубокіе окопы съ ихъ подземной катакомбной жизнью. Поневолѣ отъ одной тоски побѣжишь съ такого пепелища.

Галичанинъ — человекъ хозяйственный, любитъ свою худѣбу, свои 3—4 морга земли; народъ все деревенскій, прочно осѣдлый, почти не знающій фабрики. И вдругъ все его хозяйственное благополучіе рухнуло, почва изъ-подъ ногъ выскользнула. „Посеялы мы, а війска все втопталы, а що взійшло, німцу достанеть, якъ мы втїкы“, вотъ съ чѣмъ не можетъ помириться галичанинъ,—съ хозяйственной бессмыслицей, которую онъ, какъ коренной хлѣборобъ, собственнымъ горбомъ понимаетъ. И вотъ онъ, набивъ кое-чѣмъ свою фуру, захвативъ нѣсколько запасовъ муки, пшена, сала, а то и безо всего, двинулся nach Russland.

Бодить изъ пѣва. Прощеніе это нужно сдѣлать къ его сіятельству Г., можетъ посоветовать д-ръ Глушкевичъ“ и т. д. И такъ многихъ освобождали.

Еще хорошо, когда они идутъ цѣлымъ селомъ или деревнями, иногда со старостой и даже съ „батюшкой“, который везетъ съ собой и церковь,—все же есть хоть какая-нибудь общественная поддержка или особенно цѣнная въ столкновеніи съ внѣшнимъ міромъ административная опора. Но бѣда одиночкамъ, оторвавшимся отъ своего табора: проѣзжіи эшелонъ снимаетъ колесо, если оно у него сломалось, а бѣдняга тащится на трехъ колесахъ; казакъ плетью погонитъ копать окопы; подводу насильно могутъ взять для спѣшныхъ надобностей. Но хуже другая оторванность, о которой то и дѣло слышишь. „Розірвали насъ,—говоритъ старый дѣдъ,—я съ донькой (дочерью) и внучкомъ, въ Россію насъ погнали, а двѣ доньки,—австріяки ихъ мужья,—на австрійской сторонѣ жили, къ себѣ ихъ до Венгрии угнали“. Сейчасъ это—самая драматическая сторона галиційскаго вопроса. Одинъ сынъ въ плѣну у русскихъ, другой—въ австрійскихъ войскахъ; часть семьи эвакуируетъ въ Россію, часть осталась дома, не захотѣла покинуть очага; попробуйте только разобраться въ психологій такой семьи, а подобныя коллизіи здѣсь на каждомъ шагу. Кровь противъ крови! Учтите еще замкнутость натуры галичанина, его медлительный умъ, жизнь про себя, и вы почувствуете всю горечь проливаемыхъ здѣсь слезъ.

Но эта драма оказывается тоньше и идетъ глубже. Изъ кровныхъ отношеній вопросъ переходитъ въ область національныхъ чувствъ и самоопредѣленія. Кто мы такіе? Кому принадлежимъ? Куда идемъ? Эти вопросы назойливо преслѣдуютъ всѣхъ переселенцевъ. Еще мѣсяца два назадъ такъ все было ясно, и грезилась новая жизнь. А теперь что? Ни русскіе, ни австрійцы. Если русскіе,—зачѣмъ итти съ родной земли, политой кровью и потомъ отцовъ и дѣдовъ? Если австрійцы, зачѣмъ итти въ Россію? Мало ли у ней своей бѣдноты; земли всѣ заняты; и русскіе хоть братья, но больше дальніе, давно не выдавшіеся родственники, какъ-то еще примутъ? Но и остаться нельзя. „Когда пришли къ намъ впервые казаки,—разказывала галичанка изъ Городка М. Робъ,—я столь на улицу вынесла, большой бѣлый хлѣбъ положила, кувшинъ молока поставила, а сама молюсь, говорю: Мать Божія, привела меня видѣть пановъ моихъ злотыхъ; а какъ стояли у меня офицеры, я и кормила ихъ, и стирала имъ, и денегъ брать не хотѣла. А мнѣ и говорятъ сосѣди: „Смотри, Марья, какъ придутъ австрійцы, первую тебя повѣсятъ, какъ у насъ по осени, въ началѣ войны, на каждомъ калитанѣ по русину было повѣшено“. Да вотъ не пришлось, утекаю я“, смѣясь закончила Робъ, а у самой слезы на глазахъ. Да, дѣйствительно, „розірвали“. Цѣлый рядъ причинъ и фактовъ бросилъ несчастныхъ галичанъ, съ самаго XVII в. дремавшихъ тяжелыми сновидѣніями подъ державою Габсбурговъ, въ самый водоворотъ мировыхъ событій, сдѣлавъ ихъ яблокомъ раздора двухъ борющихся государствъ. Быть въ такомъ положеніи—въ

силахъ хорошо сложенному и приспособленному къ жизни организму. Поэтому долгъ всѣхъ русскихъ людей—поддержать тѣхъ, кто сталъ невольными жертвами развернувшихся событій. Терпѣливо и участливо мы должны оказать всю зависящую отъ насъ помощь. Много здѣсь придется проявить и самоотверженія, борясь съ собственной трезвой расчетливостью, съ опасеніями, не накормить бы сытаго. Помощь эта, по силѣ возможности, оказывается, индивидуальная и общественная. Я знаю много случаевъ, когда бѣженцы шли въ Россію съ письменными рекомендаціями, полученными еще отъ русскихъ въ Галиціи, увѣренные и успокоенные, что имъ тамъ, въ Россіи, найдутъ и пріютъ и работу. Но порой эта помощь и участіе носить исключительный характеръ. У меня на памяти два эпизода, слышанные отъ ихъ участниковъ. Иду я въ одномъ маленькомъ галиційскомъ городкѣ,—разсказывалъ мнѣ С.,—свертываю въ одну уличку и вижу на углу такую сцену: важно стоитъ еврей и, равнодушно такъ глядя въ сторону, утюжить снизу вверхъ бороду, а подлѣ на колѣняхъ въ грязи—дѣло было весною—стоитъ русинъ и то кланяется умоляюще въ ноги, то цѣлуетъ руку еврея, опершуюся на палку. Вы знаете это проклятое здѣшнее выраженіе: „роньку поцѣловать“. Я не вытерпѣлъ, бросился на этого еврея (русинъ просилъ его отсрочить долгъ), пригрозилъ повѣснить, если онъ сейчасъ же не откажется отъ требованія. Другой эпизодъ сложилъ. Одна русинка была замужемъ за русиномъ, отъ него двое дѣтей, мужъ умираетъ. Она выходитъ замужъ за австрійца, тоже двое дѣтей; и вдругъ—война. Нагрянули русскіе; австрійцы, боясь предательства русинки, связали ее и бросили въ погребъ, гдѣ она пролежала три дня, была спасена казаками, рыскавшими за спиртными напитками. Мужъ зналъ про это и ничего не сдѣлалъ, застрашенный сосѣдями. Вдругъ прошелъ слухъ: русскіе отступаютъ. Въ селеніи началась паника переселенія въ Россію. Несчастливая женщина, помня австрійскія муки, ни за что не захотѣла остаться въ Австріи, пытается убѣдить и мужа ѣхать съ нею. Начинаются семейныя сцены. Жена требуетъ раздѣлить имущество, главнымъ образомъ—скотъ. Мужъ не хочетъ. Ночью, во время одной изъ ссоръ, мужъ бросился съ топоромъ на жену; та въ ужасѣ прибѣжала за защитой къ русскимъ, квартировавшимъ вблизи. Тѣ, зная давно всѣ подробности ея исторіи, энергично вступились, и весь скотъ остался за нею. Теперь она ѣдетъ въ Россію богачкой, довольная своимъ освобожденіемъ.

II. На питательномъ пунктѣ.

Питательный пунктъ, это—общее названіе; на практикѣ общественная помощь бѣженцамъ имѣетъ разнообразныя формы, начиная отъ простой раздачи кипятка и чайной и кончая правильно организованной

столовой. Въ среднемъ, можно сказать, роль питательныхъ пунктовъ именно вспомогательная: они не столько кормятъ, сколько подкармливаютъ, смягчая остроту создаваемаго тягостнаго положенія бѣженцевъ.

Какъ только выселеніе галичанъ началось, всероссійскій земскій союзъ не замедлилъ откликнуться своею помощію, организуя эти пункты. По пути слѣдованія бѣженцевъ они открывались то чаще, то рѣже, смотря по надобности, отъ Бродъ чрезъ Радзивилувъ и Дубно до Ровно и далѣе. Орда бѣженцевъ, отваливъ отъ одного этапа, приставала къ другому; пристанетъ и застрянетъ впредь до появленія стражниковъ.

Устройство пункта просто: гдѣ-нибудь на бойкомъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ много народа или дѣлаются привалы (у колодца, у лѣса, у пастбища), ставятся кипяильники и котлы, создаются примитивныя сооруженія, не боящіяся никакой эвакуаціи, запасается провіантъ, и пунктъ готовъ. Завѣдующіе—студенты или сестра; ближайшіе рабочіе—солдаты изъ слабой команды или кто-нибудь изъ бѣженцевъ.

Мнѣ пришлось устраивать три пункта: два у вѣзда въ городъ и одинъ въ 3-хъ верстахъ отъ города. Это было наиболѣе цѣлесообразно. Усталыхъ путниковъ, подъѣзжавшихъ къ городу и естественно обезпокоенныхъ мыслію хоть о чѣмъ-либо участіи, сразу же привлекали привѣтливо дымящій кипяильникъ, вывѣска всероссійскаго земскаго союза, длинная вереница очереди и толпящіеся съ кружками и хлѣбомъ люди.

Передъ моимъ взоромъ прошли два типа пунктовъ. Первый, въ началѣ переселенческаго сезона, носилъ отпечатокъ чего-то текучаго, неустойчиваго, постоянно обновляющагося. Едва напоишь и накормишь одну партію, глядь—съ пригорка, со всѣхъ сторонъ снова собираются къ намъ гости-мужчины въ бѣломъ, женщины въ красномъ. Первый, напри- мѣръ, день 12 іюня, когда пунктъ открылся, зарегистрировано 1,200 отпущенныхъ порціи чаю и хлѣба, во-второй—1,380, въ-третьей—1,100. Затѣмъ цифра колебалась отъ 400—900, пока она не сошла на цифру 150, и пунктъ былъ закрытъ, просуществовавъ двѣ недѣли. Настроеніе у всѣхъ приподнятое. Всѣ спѣшатъ скорѣе получить свое и далѣе, всѣ крайне нетребовательны на угощеніе и чрезвычайно податливы на разговоръ, на жалобы, на гаданіе о своей судьбѣ. Здѣсь только и работа—наивозможно скорѣе удовлетворить необходимымъ—чаемъ и хлѣбомъ. На широкомъ лугу, среди молодыхъ сосенокъ усаживаемъ прибывшихъ партіями, для удобства счета; угостятся гости „солодкой гербатой“ (сладкимъ чаемъ), погрызутъ сухарей и еще съ собою въ фуру возьмутъ. (Сухари привезли изъ Россіи, до 7 т. пудовъ.) Эти долго не стоятъ—день, два; отдохнетъ скоть, и волна откатывается далѣе, очищая мѣсто другимъ. Положеніе вначалѣ вообще было непрочное. Отступленіе все продолжалось, никто не зналъ, что принесетъ нынѣшній ве-

черъ или завтрашнее утро. Задерживаться было нельзя; нервность увеличивалась; требовалась быстрая эвакуація; Броды пустѣли съ каждымъ днемъ. Волны бѣженцевъ стали спадать по мѣрѣ приближенія позиціи, да еще стражники энергично ускоряли это галиційское переселеніе народовъ. Все это дѣлало пунктъ неустойчивымъ, временнымъ; уже слышны были дальніе выстрѣлы; жизнь поневолѣ складывалось по-походному.

Но и среди этой смѣняющейся толпы галичанъ невольно бросалось въ глаза нѣкоторое своеобразие ихъ психическаго уклада. Это чувство какой-то приниженности, вошедшее въ самую природу галичанина, не робости и слабости, а какого-то безличія, отсутствіе того самоутверждающаго я, которое бы дѣлало его хозяиномъ своей земли. Галичанинъ молчаливъ, раздумчивъ, какъ бы покоренъ сложившейся участи; но въ личныхъ отношеніяхъ въ немъ нѣтъ ничего рабскаго, несмотря на распространенное здѣсь „цѣлованіе руки“ и несмотря на то, что слово „паньскій“ чередуется у него черезъ каждыя пять словъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ онъ горюетъ, но не протестуетъ. Взять хоть бы молодежь; ее всего больше приходилось видѣть здѣсь. Въ ней нѣтъ и тѣни того безшабашнаго разгула, ухарства и отчасти озорства, чѣмъ отличается наша великорусская деревенская молодежь. У насъ хоть руганью сорвутъ сердце. Здѣсь же пассивность, тупой взглядъ исподлобья, заставляющій вспоминать названія „быдло“ и „подъяремная Русь“, и полное отсутствіе любопытства ко всему. А вѣдь большинство галичанъ грамотные, многіе знаютъ нѣмецкій, польскій, еврейскій языки, и политически они сознательнѣе и развитѣе нашихъ крестьянъ. Но вся эта образованность и развитость положительно ни въ чемъ не проявляется. Общая пассивность понизила воспримчивость къ жизни. Сколько, напр., усилій требовалось всякій разъ, чтобы выстроить всѣхъ въ рядъ; ужъ, кажется, вещь самоочевидная—статья № 2 за 1-мъ, 50-му за 49-мъ, и все-таки приходится переставить не одинъ разъ, чтобы получить правильную очередь. Устроили прачечную съ даровой раздачей мыла, и каждой бабѣ нужно было показать ее, чтобы убѣдить въ ея полезности. Меня также интересовалъ вопросъ, какъ наши гости реагируютъ на наше угощеніе. Проводивъ нѣсколько тысячъ, я, несмотря на всѣ разговоры, ни отъ одного не слыхалъ вопроса: кто же это всѣхъ такъ даромъ поить и кормить, заботится о разныхъ нуждахъ бѣженцевъ? Иногда, шутя, я пробовалъ муштроватъ ребятъ: обращая ихъ вниманіе на груды хлѣба, который быстро расходился по рукамъ, на мѣшки съ сухарями, тутъ же опорожнивавшіеся, я спрашивалъ ихъ: откуда все это, вѣдь съ неба не упало и изъ земли не выросло?—Вывѣска „Всероссійскій земскій союзъ“ была для нихъ пустымъ звукомъ. И я не только не получалъ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта, кромѣ развѣ под-сказокъ старшихъ: „отъ отца Николая“ (Государя Императора), „отъ

солдатъ“, но никто не полюбоществовалъ и разспросить меня объ этомъ; а между тѣмъ нѣкоторыя деревни и села кормились у насъ цѣлыя недѣли. Въ этомъ сказалась неподвижность мысли галичанина. Еще бросалось въ глаза, что они никогда (за ничтожными исключеніями) не благодарили. Приходятъ, сидятъ, угощаются, берутъ на домъ и уходятъ, изрѣдка протестуя лишь, что мало дали. Конечно, тутъ дѣло не въ благодарности. Въ данномъ случаѣ она могла бы быть выраженіемъ извѣстной сознательности, какъ своего рода реакція на переживаемый фактъ. Врядъ ли это происходило отъ увѣренности, что въ Россіи ихъ будутъ поить и кормить за отобранный солдатами скотъ, когда за корову платили 12 р., а за двухгодовалого теленка 6 р., а то и даромъ брали. Правда, въ одномъ проходномъ свидѣтельствѣ, данномъ на 862 человѣка, я видѣлъ приказъ давать по 10 коп. въ день на ребенка и по 20 коп. на взрослога человѣка, но кто долженъ былъ давать и какъ эти деньги получить,—не сказано; да и сами бѣженцы въ возможность этого плохо вѣрили. Просто факты не доходили до сознанія и не вызывали соотвѣствующихъ чувствъ. У насъ, въ Россіи, давно бы создались легенды, сыпались всевозможныя обвиненія; здѣсь же—полное равнодушіе ко всему; это общее впечатлѣніе со всѣхъ пунктовъ.

Другого типа былъ питательный пунктъ въ с. Смольно, близъ г. Бродъ. По самымъ военнымъ обстоятельствамъ онъ получилъ иной характеръ. Острота момента прошла; окончательная эвакуація все откладывалась. Свернувъ съ большой дороги въ проселокъ, подальше отъ глазъ начальства, бѣженцы могли здѣсь спокойно устроиться. Образовалась цѣлая стоянка наподобіе стоянокъ каменнаго вѣка. Здѣсь и основался нашъ пунктъ, обслуживавшій бѣженцевъ нѣсколькихъ деревень: Каменка, Струмловскаго у., Рипнева, Горпины, Михалевичъ, Вострова, Обяни. Къ нимъ подошли бѣженцы съ Глиннѣи, съ Карпатъ, съ Городка и небольшими группами съ другихъ мѣстечекъ. Эти пришли организованные, дружной массой, со старостой, со специальнымъ пропускомъ, пришли и осѣли прочно, не обнаруживая особеннаго желанія итти въ Россію. Поблизости на панскомъ фольваркѣ можно было косить овесъ и доставать дрова (былъ приказъ по нашимъ войскамъ все уничтожать), подъ рукою была рѣчка, въ 3-хъ верстахъ городъ; можно, значить, спокойно дожидаться изгнанія „германа“. И нашъ пунктъ организовался прочіе. Сначала открыли чайную: раздавали чай, сухари или хлѣбъ; черезъ день цифра бѣженцевъ поднялась до 1,200 душъ.

Самый главный вопросъ у насъ на пунктѣ, какъ и на всѣхъ другихъ питательныхъ, былъ одинъ: такъ удовлетворить всѣхъ нуждающихся, чтобы не было ни недовольства, ни злоупотребленій съ получаемымъ. Послѣ нѣкоторыхъ опытовъ перешли на раздачу по семействамъ, сохранивъ старость, по именнымъ билетамъ съ обозначеніемъ числа душъ

въ семействѣ. Сразу же появился остатокъ; главное же—налаживался порядокъ, весьма цѣнный, когда приходилось удовлетворять нужду нѣсколькихъ сотъ просителей. При этомъ очень своеобразно выразились характерныя черты отдѣльныхъ деревень. Вотъ 29—по-нашему—мужиковъ „съ Горшины“; у нихъ 10 фуръ, идутъ безъ семействъ. Въ грубыхъ долгополыхъ костюмахъ, нескладные, обросшіе, все — богатыри ростомъ, угрюмые и молчаливые, они и въ повадкахъ и въ рѣчи проявляли себя какими-то простаками, Бога нашего дурнями. Въ общій рядъ ни за что не хотѣли вставать; достанется,—ладно, не достанется,—грустно улыбнутся и уйдутъ. Нужно было самому заботиться о горпинцахъ. Другая деревня, Михалевичи, сразу же выдѣлилась своею порядочностью: держались они всегда въ сторонѣ, дружно, своею деревней (особенно симпатично было отношеніе молодежи другъ къ другу); подходили за чаемъ и обѣдомъ всегда чинно, выдержанно, словно имъ кто наставленіе читалъ, какъ держать себя; не было ни одного случая, чтобы заподозрить кого изъ Михалевичей въ двойной получкѣ... Совсѣмъ другое рипневцы; ихъ было 130 семействъ, и всѣ какъ на подборъ: ловкіе, пронырливые, всѣ норовятъ получить раньше; у котловъ затѣютъ споръ изъ-за очереди; придутъ за супомъ и братъ и сестра и matka; всегда среди нихъ шумъ, беспорядокъ; съ ними всего больше приходилось возиться.

Такъ мирно день за днемъ текла жизнь; бѣженцы привыкали къ намъ, мы знакомились съ ними, пока, наконецъ, не разразилась катастрофа. Вступительнымъ эпизодомъ къ ней было одно бурное столкновеніе мѣстныхъ жителей съ пришельцами, въ которомъ мнѣ пришлось играть роль мирового посредника. Дѣло все въ томъ, что главная масса бѣженцевъ стояла на окраинѣ села, и разныя столкновенія съ мѣстнымъ населеніемъ были неизбежны. Началось съ того, что староста с. Смольно обратился ко мнѣ съ жалобой на причиняемые имъ бѣженцами убытки, что они пасутъ на ихъ лугахъ скотъ, топчутъ поля съ хлѣбомъ, выламываютъ заборы на дрова и пр. и пр.

Начались пререканія между обѣими сторонами, получившія рѣзкій характеръ. Собралась толпа: бабы, старики и ребята. Каждая сторона отстаивала свое: у смольнинцевъ накопилось достаточно обидъ, для пришлыхъ онѣ казались пустяками. „Къ намъ солдаты приходили—ничего не сдѣлали. Казаки были, особенно подчеркиваетъ, жалуясь, староста, ницъ тронули, соломинки не взяли,—говоритъ онъ, поднимая для убѣжденія съ земли соломинку,—все зло отъ васъ: вы намъ всю škodu зробили“. По рипневскій староста равнодушно, съ ехидствомъ бросаетъ имъ: „Чего бережете, для германа бережете!“ Это вызываетъ взрывъ: голоситъ баба, жалуется на выдернутую бѣженкою фасоль, „худобѣ давала“,—особенно возмущается она; мужикъ кричитъ: овесъ у него ско-

силы сегодня. Тутъ выступаетъ одинъ изъ бѣженцевъ и въ горячей рѣчи горько жалуется на свою несчастную судьбу. „На что вы жалуетесь?—страстно упрекаетъ онъ смольнинцевъ. Мы уже глаза выплакали, а у васъ еще и слезъ не было; у васъ плетни сожгли на дрова,— у насъ всѣ хаты попалены; у васъ траву побрали,—мы всей скотины лишились; дѣтямъ нѣтъ молока. Я, что дали мнѣ здѣсь чаю и сухарей, то и съѣлъ сегодня—куска больше не было, а вы плачетесь на обиды“. Правдивая сильная рѣчь смягчаетъ обывательскій эгоизмъ. Пользуясь моментомъ, выступаю въ качествѣ примирителя: однихъ призываю къ жалости и снисходительности, другихъ убѣждаю не злоупотреблять гостепримствомъ; въ то же время обѣ стороны убѣждаю, черезъ своихъ представителей-старостъ, стараться находить примиреніе противорѣчій, дѣйствуя въ духѣ соглашенія, а не раздора и вражды. Столкновение на этотъ разъ было улажено мирно. Нѣсколько дней прошло спокойно. Вдругъ вечеромъ обрушилась бѣда: появились стражники и, не слушая просьбъ и не допуская промедленія, потребовали, чтобы галичане въ ту же ночь выбирались въ Россію. Какую ночь и слѣдующій день провели несчастные бѣженцы, трудно себѣ представить! Голодные сами, безъ корма для скота, измученные неожиданнымъ изгнаніемъ, отбившіеся ночью отъ своихъ, они были крайне беспомощны и на колѣняхъ молили о заступничествѣ.

Но сдѣлать было ничего нельзя, такъ какъ выселеніе произошло по жалобѣ жителей на причиняемые бѣженцами убытки, а съ 28 іюля приказано за каждую порчу посѣвовъ строго карать, вплоть до вѣшанья. Уже стражники сжалились, шепнувъ, чтобы бѣженцы прятались въ ближайшемъ лѣсу, лишь бы въ с. Смольно ихъ не было. Такъ нашъ пунктъ въ с. Смольно и закрылся.

III. Настроенія галичанъ.

Галиційскій вопросъ въ отношеніи галичанъ-бѣженцевъ изъ области политической переносится теперь въ область моральную, и вся сила его не въ программахъ и лозунгахъ, а въ жалости и состраданіи.

Какъ это могло случиться, что населеніе такой большой области, какъ Галиція, имѣя многовѣковую, со многими славными страницами, исторію, принадлежа коронѣ цивилизованнаго государства, со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, дошло до такого обнищанія и духовнаго упадка, до бѣгства съ своей земли и вражды къ оставшимся родичамъ? Галичане-бѣженцы, это—проклятіе и позоръ австрійской политики, создавшей свое существованіе на костяхъ слабѣйшаго.

Въ корняхъ галиційскаго движенія скрыты отголоски давней, еще не забытой и не изжитой старины. Бурная эпоха народныхъ волненій

XVI и XVII в. въ Украинѣ протягиваетъ свои нити до нашихъ дней. Какъ тогда, такъ и теперь русскій крестьянинъ-быдло заявилъ свои права на національное самоопредѣленіе. Оно инстинктивно и традиціонно: онъ хочетъ быть русскимъ. Дѣйствительно, современный галичанинъ по крови своихъ предковъ, по языку, образу жизни и работѣ остался все тѣмъ же „быдломъ“-невольникомъ, съ тѣмъ же инстинктивнымъ чувствомъ своего національнаго я, какъ и два-три вѣка назадъ, только безъ тѣхъ средствъ, какими боролись нѣ прадѣды. Тѣ подымали возстанія, устраивали гайдамацкіе загоны; эти бѣгутъ въ Россію. Вотъ эту связь со стариной, органическую потребность неудовлетвореннаго національнаго самосознанія нужно прежде всего учитывать, чтобы понять бѣженца, поднявшагося во имя смутнаго идеала родной русской земли. „Вы кто?—спрашиваешь—Русинъ?“—„Нѣтъ, я—русскій“, отвѣчаетъ иногда галичанинъ, даже не затронутый обрусительной политикой послѣднихъ мѣсяцевъ. Это какая-то затаенная мечта, завѣтная дума чувствовать себя русскимъ, не украинцемъ, а просто русскимъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ есть много всякихъ поводовъ бѣжать въ Россію, вплоть до прямого принужденія, но въ каждомъ есть и этотъ мотивъ—увлеченіе мечтой, идеализаціей „Руси“, „русскій“. Эта мечта, разъ прорвавшись, стала виной передъ австрійскимъ правительствомъ. И вотъ они бѣгутъ, воплощая эту свою мечту въ реальной Россіи, не желая думать, что, можетъ быть, не разъ и не два придется имъ разочаровываться въ своемъ самообольщеніи. Но пока что, мечта остается мечтой и свѣтитъ путеводнымъ маякомъ.

„Быль у насъ въ Галичинѣ,—разсказывала одна бѣженка,—дуже богатый, давно уже онъ вмеръ: говариваль онъ дѣтямъ: „Придетъ когда съ Руси царь, будетъ тогда въ Галичинѣ рай, всѣ идите къ нему“, а теперь сынъ его съ нами идетъ; 40 морговъ земли имѣль, домъ оставилъ, а сегодня ночью у него послѣднюю корову вкрали“...

Въ послѣднее время сильно было въ Галиціи бѣгство въ Америку. Среди бѣженцевъ нерѣдко можно встрѣтить такихъ американцевъ, тамъ дѣлавшихъ выгодныя дѣла, а здѣсь вынужденныхъ чуть не нищенствовать. И въ самомъ дѣлѣ, измѣнились ли въ существѣ ихъ соціальныя и экономическія отношенія, которыя въ былыя времена вызывали столько волненій? Нисколько. Они лишь ушли въ глубь жизни и стали не только хроническимъ, но какъ бы органическимъ явленіемъ, потерявъ остроту злободневности. Въ жизни галичанъ попрежнему царитъ и экономическая зависимость отъ евреевъ, и культурная отъ поляковъ. Этотъ замкнутый кругъ бываетъ иногда очень тягостнымъ, такъ какъ австрійцы прибрали ключъ отъ выхода изъ него. „Голова у насъ своя, а волосы панскіе“, подемѣивается ядовито хохоль надъ собою, но еще точнѣе рисуетъ положеніе дѣла другая ходячая фраза: „Земля

наша, имѣнія еврейскія, а воздухъ польскій“. И правда, когда видишь всюду роскошные фольварки, имѣнія, пространствомъ въ цѣлый нашъ уѣздъ, не удивительно, что галичанинъ остается съ 2—4 моргами. Случается, земля въ 3—4 рукахъ: владѣлецъ сдалъ ее маклеру, тотъ—арендатору, послѣдній, разбивши на участки,—хлѣборобамъ, которые всемъ должны дать прибавочную стоимость. Что касается „панства“, то оно сохраняетъ здѣсь свою живучесть. Оно стало какъ бы символомъ, идеаломъ быта, своего рода золотымъ вѣкомъ прошлаго; недаромъ про него сложились легенды.

„Наши паны вотъ и просятъ Франца: „Возврати намъ панство!“ Онъ и говоритъ: „Срѣжьте дубъ, посадите корнемъ вверхъ, какъ будутъ побѣги, такъ и будетъ вамъ панство; они и садятъ, въ каждомъ помѣстьѣ есть,—разсказывалъ мнѣ одинъ молодой галичанинъ.—Или вотъ, видѣли въ Львовѣ гору, Франць сказалъ панамъ: Когда насыплете гору въ 500 сажень, безъ каменьевъ, тогда и возвращу панство“; и теперь каждый годъ 15 мая все паны на тачкахъ везутъ землю въ гору, скоро насыплотъ...“

Уйдя отъ политики въ бытъ, польская жизнь придала особую сочность и живучесть панской культурѣ. Понятно, какъ трудно русину съ его первобытностью отстаивать среди нея свою самостоятельность. Его спасаютъ лишь инстинкты и традиціи. Воздухъ въ Галиціи, дѣйствительно, польскій, особенно въ городахъ. Въ Львовѣ, на примѣръ, въ центрѣ города преобладающая рѣчь польская, на окраинахъ—русинская.

Но замѣчательно, во всехъ разговорахъ лично къ панамъ не чувствуется вражды. Для галичанина панство—какъ бы застарѣлая болѣзнь. У насъ, въ Россіи, больше ненавидятъ барина, въ то время какъ наше панство—крѣпостное право—давно забыто; здѣсь же оно—атмосфера, которой пропитано все. „Обманили насъ все,—жаловался мнѣ одинъ бѣженецъ,—какъ отецъ Франца давалъ намъ волю, приказалъ отписывать себѣ въ три года землю, сколько хочешь. Приѣхали чиновники и говорятъ: „Больше земли возьмете,—податку больше будетъ“; а мы думали: нехай паны платятъ! Приѣхала черезъ 3 года комиссія, какъ утвердила раздѣлъ, вся земля оказалась панская“.

Такъ и во всемъ: близорукая глупость, забитость простака, всюду обманутаго и всюду боящагося козней и подвоховъ... Пусть подобныя факты фантастичны, но самое объясненіе ими жизни характерно—„ихъ обманили“, вся жизнь ихъ притѣсняетъ!...

Впрочемъ, въ панствѣ и еврействѣ больше чувствуются давнія, историческія обиды, раны отъ которыхъ не зажили. Гораздо острѣе боль кровной вражды между своими, происходящая сейчасъ. Вражда эта пустила въ Галиціи глубокіе корни, захватила каждое селеніе и дере-

вушку, проникла въ семью и школу. „Почему вы здѣсь остановились?“ напри., спрашиваю я у бѣженцевъ, поклянувшихъ с. Смольно. „Эта деревня русская, православная,—отвѣчаютъ,—а та мазепинская, изъ той насъ прогнали“. (Сами бѣженцы объясняли свое изгнаніе политической враждой.) Стоитъ послушать разговоры на эту тему. Пусть часто толки наивно-нелѣпы и имѣютъ видъ доморощенной политики, даже не изъ газетъ. Любопытно, какъ эта „политика“ преломляется въ сознаниіи галичанина. Мазепицы-украинцы, по ихъ разсужденіямъ, опираясь на Польшу, стремятся образовать „самостійное“ государство. ¹⁾

Они помогутъ Польшѣ объединиться, зато они получаютъ объединенную Украину съ гетманствомъ, кіевскимъ и львовскимъ университетами. Это вызвало оппозицію—русское движеніе. Началась борьба. Украинцы стали устраивать общества подъ именемъ „Просвіта“; молодежь въ „Просвітѣ“ организовывалась въ „сич“,—съ увлеченіемъ разсказывалъ одинъ молодой политикъ,—всѣ сичевики пошли добровольцами за австрійцевъ. Русскіе стали открывать „читалны“ имени Качковскаго, молодежь объединялась въ „вѣча“. Сичевиковъ было меньше нашихъ, но нашихъ преслѣдовало правительство.

Съ чего же началась вся эта рознь?—интересовался я, и получалъ не разъ отвѣтъ, въ общемъ довольно курьезный.

„Съ Семпратевича. Былъ такой кардиналъ, все за поляковъ стоялъ, онъ четыре буквы выкинулъ. Съ этого все и пошло“.—„Какъ такъ?“ удивляюсь я. „Такъ, чтобы украинская азбука не была похожа на русскую, онъ выкинулъ буквы: ъ, ѣ = і, ѓ, ы = е, съ этого все и началось, а мы не захотѣли“. Коварныя буквы,—неволью пришло въ го-

¹⁾ Привожу двѣ пѣсни украинскихъ новобранцевъ передъ войной въ іюлѣ прошлаго года.

Не пора, не пора,
Москалеві, дякаві служити,
Но пора України бити.

Шли діди на муки,
Пойдуть и правнуки
За народъ життя свое домоу...
Тіло, душу мы положимъ
За свою свободу,
Мы покажемъ, ще мы братья
Козацкаго роду.

Сотая поляже,
Тисяч повстане!
Стануть до боротьбы...

За тую причину,
Мати Україну,
Проліємъ кровъ
И життє своє...

лову. Въ Россіи изъ-за нихъ льются младенческія слезы, и безнадежно слятся ихъ уничтожить; въ Галиціи въ защиту ихъ поднялась братоубійственная вражда... Вражда проникла и въ школу. За всякую „закордонную“ книжку великорусской печати выгоняли, какъ у насъ за подпольную. За портретъ Гоголя сажали въ карцеръ. Одинъ гимназистъ Г. Чемерсъ въ бурѣ вздумалъ разучивать съ товарищами великорусскія пѣсни,—изгнали. „У насъ въ Самборѣ,—разсказывалъ бѣженецъ, гимназистъ 6 класса II. Подаба,—въ гимназіи въ V классѣ было 5 мазепинцевъ и 12 русскихъ. Мазепинцевъ было меньше, но сила была у нихъ, такъ какъ имъ покровительствовало начальство. Они верховодили, имъ все спускалось“. А въ с. Дмитря, близъ Щерца, былъ такой случай. „У насъ 360 учениковъ, и нѣтъ ни одного мазепинца. Устроили мы школу въ три класса. Захотѣли четвертый. Повѣтъ постановилъ сдѣлать четвертый классъ нѣмецкій. Только мы не захотѣли: знищили (уничтожили) четвертый классъ, такъ и остались при трехъ“... Австрійскія власти усиленно поддерживали это движеніе. Политика ихъ—жить на счетъ слабѣйшаго, использовать славянство, какъ „удобрительный тукъ“, по словамъ Момзена, для развитія нѣмецкаго духа, ни въ чемъ такъ не сказалось, какъ здѣсь. Въ братоубійственной враждѣ тайно лелѣялась мысль уничтожить все русское въ Галичинѣ. Зато, какъ началась война, всѣ карты перемѣнились: началось открытое преслѣдованіе и русинъ, и русскихъ. Въ г. Львовѣ въ началѣ войны въ почтамтѣ висѣло объявленіе: „Будетъ выдано 600 кронъ за поимку русскаго шпіона“. Темные люди сумѣли нажитья на этомъ объявленіи, причеиъ 600 кронъ имъ платили за интеллигентнаго человѣка, а за простаго—только 300. Центральныя власти, забывъ всѣ свои конституціонныя обѣщанія и клятвы, сразу же открыли свою нѣмецкую политику. Начались преслѣдованія, аресты, разстрѣлы. Есть трогательныя на этотъ счетъ разсказы. „Ксендза нашего забрали,—разсказывала бѣженка изъ Городка,—рученьки ему связали, вели, якъ Христа. Люди въ него камнями бросали; одинъ камень попалъ въ голову, кровь потекла по лицу. А вить такъ рученьки, якъ могъ, зложивъ, каже: Панъ Бігъ вамъ заплатитъ“. „А къ намъ вотъ недавно, передъ тѣмъ какъ утекать, пришелъ нѣмецъ-солдатъ съ своей стороны,—разсказываетъ другая,—я у порога стою, въ хатѣ; вошелъ онъ, ружье на глазахъ зарядилъ, такъ шелкнулъ, у порога поставилъ и говоритъ: „Geben Sie mir Bier!“—Ich habe nicht“, говорю. „Schnaps!...“ Водки было немного, дала. Выпилъ, повеселѣлъ. „Du bist Russin?“—Nein, polnische. Совсѣмъ сталъ веселый. А скажи ему Russin, тутъ бы и конецъ мнѣ“. И такихъ случаевъ, когда и украинцамъ, и русскимъ приходилось прикрываться нѣмецкимъ или польскимъ именемъ, было много, благо знаніе языковъ помогало.

Теперь вся Галичина разорена; интеллигенція украинская уведена

въ Австрію, русская сидитъ по тюрьмамъ или казнена, а голытьба бѣженцевъ кочуетъ въ Россію и изъ Россіи, едва влача свое существованіе.

Замѣчательно еще, что во всемъ этомъ движеніи очень слабую роль играетъ религіозный вопросъ. Въ большинствѣ бѣженцы называютъ и считаютъ себя православными, особенно тѣ, которыхъ коснулась религіозно-обрусительная политика послѣднихъ мѣсяцевъ. Но когда я перелистывалъ ихъ молитвенники, то находилъ и Filioque, и упоминаніе въ церковныхъ молитвахъ папы, и молитвы на непорочное зачатіе Богоматери. Впрочемъ, до войны и рѣчи не могло быть о православіи, такъ какъ австрійцы за него преслѣдовали. Поэтому многіе совершенно недоумѣвали и не понимали, когда ихъ спрашивали объ уніатствѣ. Они уніатство считали за православіе въ противоположность католицизму... Вообще простонародная масса, бѣженцы, въ различія и тонкости уніатства и русскаго православія не входятъ. Попавшіе въ Россію, люди съ открытымъ сердцемъ до всего русскаго, безъ понужденій и бореній совѣсти станутъ православными въ первомъ же поколѣніи. Для интеллигентовъ же уніатство—символь національной самобытности, и они за него будутъ стоять всѣми силами души.

Какъ сложится будущая жизнь Галичины, русской или австрійской,—трудно предсказать. Во всякомъ случаѣ, желательна всячески облегчить судьбу бѣженцевъ и вообще галичанъ. Это облегченіе, опять повторяю, пусть совершится не во имя политики, а во имя справедливости и состраданія.

А. М. Смирновъ-Кутаческій.

Галиція.

Г. Броды. 9 іюля 1915 г.